

УДК: 327.57

**РОССИЯ И ТУРЦИЯ НА ПОРОГЕ 2018 ГОДА:
«БОЛЬШАЯ ИГРА» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ**

Ирхин А. А., Нелина Л. П.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: alex.irhin@mail.ru (Ирхин А. А.)

E-mail: larisanelina@gmail.com (Нелина Л. П.)

В статье исследуется проблема развития двусторонних российско-турецких отношений через призму сферы сотрудничества и конкуренции. Особое внимание уделяется 2017 г., делается попытка смоделировать ситуацию развития на ближайшее будущее. Существующая модель взаимодействия России и Турции в Черноморско-Средиземноморском регионе находится в состоянии шаткого равновесия и в настоящее время находится в стадии сотрудничества. Однако такое положение является весьма зыбким, что аргументируется наличием как пространства сотрудничества, так и значительной плоскости противоречий, имеющей фундаментальные основы. То есть при прочих равных любое значительное изменение в сложившемся равновесии может привести к быстрому ухудшению российско-турецких отношений, что будет вполне естественным историческим ходом событий. В настоящее время сдерживающим фактором в реализации негативного сценария, который перевешивает внутренние российско-турецкие противоречия, является политика США как в Черноморском, так и в Средиземноморском регионе.

Турция традиционно опасается процесса «одинокого» сдерживания как российской, так и персидской экспансии. Однако трехсторонний формат зон деэскалации в Сирии за счет одновременного привлечения Москвы, Анкары и Тегерана позволяет сгладить подобные опасения турецкой элиты. Несмотря на видимый и объективный успех в «сирийской партии», перечисленные региональные субъекты должны не допустить ситуации, при которой контригра Запада и их региональных союзников превратит тактическую победу России, Турции и Ирана в их стратегическое поражение.

Ключевые слова: Россия, Турция, сирийский кризис, система международных отношений.

Современные российско-турецкие отношения характеризуются значительным сближением Москвы и Анкары по ряду ключевых проблем регионального сотрудничества.

Во-первых, это система вопросов, связанных с сотрудничеством и конкуренцией в Черноморском регионе, где два региональных субъекта создают альянс против расширения присутствия США в акватории Черного моря. В данном контексте и Россия, и Турецкая Республика заинтересованы в продолжении функционирования конвенции Монтре от 1936 года, которая дает определенные военно-политические преимущества черноморским державам перед нечерноморскими. В то же время в данном направлении совместных интересов существует сфера противоречий, которая пока не выходит в пространство

публичной политики: интеграционная активность Турции на постсоветском пространстве; турецко-украинское сотрудничество, прежде всего в военно-политической сфере, в условиях кризиса российско-украинских отношений; возможности Анкары по разморозке конфликтов в российской сфере влияния на постсоветском пространстве и другие проблемы.

Во-вторых, узел вопросов, связанных с сирийским конфликтом. В нем также наиболее четко определяется двойственность всей природы современных российско-турецких отношений. С одной стороны, Сирия входит в сферу влияния Анкары, внешнеполитическая линия которой направлена на создание кольца дружественных держав, ранее входивших в Османскую империю в рамках концепции «Стратегическая глубина», то есть по аналогии с ближним зарубежьем России можно говорить о ближнем зарубежье Турции или о постосманском пространстве. С другой – конфликтный потенциал сирийской гражданской войны является достаточным, чтобы Р. Т. Эрдоган понимал необходимость вовлечения в ее разрешение России и Ирана в публичной его части, а также Китая в теневой составляющей этой коалиции.

С этой точки зрения сирийский конфликт является одной из трех конфликтных точек, которая определит, куда дальше будет эволюционировать система международных отношений: в сторону однополярности или многополярности. Сирия в данном контексте является ключевой точкой для продвижения американского механизма однополярной Евразии – за счет геополитической дуги между Западной Европой и Россией, между Центральной Азией и Россией и между Россией и Юго-Восточной Азией. Эта дуга позволяет контролировать все основные силовые центры Евразии: Францию, Германию, Россию, Иран, Индию и Китай. Однако чтобы замкнуть кольцо изоляции на суше вокруг Китая и России одновременно, США необходимо обустроить свои базы на территории Сирии и через Иран войти в Центральную Азию. Тогда система двойного сдерживания начнет работать сразу против Москвы и Пекина одновременно, причем между бывшими региональными союзниками начнется конкурс на роль лучшего сателлита США в регионе. Исходя из этой геополитической логики, для Китая не меньше, чем для России, сирийский фронт является передовым, хотя китайское участие в сирийском конфликте не является публичным.

В-третьих, региональная политика умеренных исламистов – правящей с 2002 года в Турции Партии справедливости и развития – и правящей с 2003 года в России партии «Единая Россия» в целом имеют схожие политические цели по возрождению своих государств в качестве региональных великих держав.

Цель данной публикации заключается в исследовании динамики и сущности российско-турецких отношений за период 2017 года и моделировании их развития на ближайшую перспективу.

Объектом исследования является процесс эволюции системы международных отношений с учетом развития ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Предметом – российско-турецкие отношения.

Методологической базой исследования являются системный, геополитический и цивилизационный подходы.

В течение 2017 года лидеры России и Турции встречались семь раз (10 марта в Москве, 3 мая в Сочи, 8 июля в Гамбурге, 28 сентября в Анкаре, 2 ноября в ходе однодневного саммита президентов Ирана, Турции и России, 13 ноября в Сочи, 11 декабря в Анкаре). Такая часто двусторонние контакты лидера России происходят лишь с двумя государствами – Казахстаном и Беларусью.

10 марта 2017 года президент Турции прибыл в Москву, где его принял в Кремле В. Путин. По сути, встреча была направлена на восстановление российско-турецких отношений. На ней российский и турецкий президенты заложили основу для нового «низкого» старта российско-турецких отношений после сбитого российского военного самолета. В ходе визита турецкого президента обсуждался самый широкий круг вопросов в рамках работы шестого заседания Совета сотрудничества высшего уровня между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

3 мая 2017 года в Сочи состоялась вторая встреча двух лидеров, которая была посвящена трем магистральным направлениям: двусторонние отношения, урегулирование ситуации в Сирии и связанная с ней проблема общих взглядов на терроризм. Именно на этой встрече были достигнуты значительные договоренности по сирийскому вопросу и согласован механизм дальнейшего сирийского урегулирования через создание зон деэскалации России, Турции и Ирана.

8 июля 2017 года во время саммита Большой двадцатки в Гамбурге состоялась встреча двух президентов, где были подняты вопросы сирийского урегулирования и перспективы совместных энергетических проектов по реализации газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую».

28 сентября 2017 года два президента уже встретились на турецкой территории в Анкаре, где совместно блокировали американскую политику, направленную на фрагментацию Ирака и Сирии, выступив с гарантией территориальной целостности этим государствам. Одновременно этот ход российской и турецкой дипломатии заморозил перспективы развития и использования внешними субъектами курдского фактора. С учетом прошедшего референдума 25 сентября в богатой нефтью северной иракской провинции Мосул, которая заселена преимущественно курдами, становится прозрачным ответный ход трех президентов России, Ирана и Турции по данной проблеме, имеющей общерегиональный характер.

13 ноября 2017 года лидеры России и Турции встретились уже в Сочи, где обсудили вопросы двустороннего сотрудничества по стратегическим, прежде всего экономическим, вопросам: «Турецкий поток» и российский проект строительства атомной станции «Аккую», стоимость которой оценивается в районе 20 млрд долларов США.

11 декабря текущего года президент России прибыл в Анкару, где с турецким коллегой обсудил динамику развития двусторонних отношений и их проектное наполнение. Одновременно российским президентом было объявлено о выводе основного военного контингента из Сирии.

Если не считать однодневного трехстороннего саммита в Сочи, который прошел 2 ноября 2017 года и где президенты Ирана, Турции и России обсудили вопросы поствоенной ситуации в Сирии, то Р. Т. Эрдоган и В. В. Путин встречались

в течение года в формате двусторонней встречи шесть раз. А присоединение к «двойке» Тегерана может говорить о том, что создана новая региональная ось, и о «восстании старых империй» против нового мирового порядка на Ближнем и Среднем Востоке. При этом необходимо учитывать, что между Россией, Персией и Турцией есть немало исторических противоречий, имеющих разное измерение, но отошедших на второй план перед попыткой реализации Вашингтоном модернизированного плана «Большой Ближний Восток». Эти противоречия, скорее, возьмут верх после ухода из региона общей угрозы, но на данном историческом этапе такой альянс предполагает уравнивание англосаксонской игры в регионе. По большому счету, данный альянс показывает, что геополитические факторы первичны перед цивилизационными линиями разлома, так как англосаксонская комбинация в случае ее реализации предполагает геополитическую революцию в Евразии и утверждение реального «Рах Америгана» через замену исламистской элиты в Турции, смещение политического режима Ирана, последующего окружения Китая со стороны суши в кольце «анаконды» и выход к механизму раскола России по линии уральского хребта.

Однако с цивилизационной точки зрения союз Москвы – Анкары – Тегерана также снимает основные противоречия, которые могут быть использованы внутренней оппозицией и внешними державами-конкурентами. Сирия, где алавиты, принадлежащие к шиитскому течению Ислама, представляют правящее меньшинство, а сунниты – большинство, в том числе принадлежащее к вооруженной оппозиции, Россия, где абсолютная большая часть исламского населения – сунниты, шиитский Иран и суннитская Турция представляют равновесную цивилизационную модель, снимающую конфессиональный аспект урегулирования сирийского конфликта.

Итак, российско-турецкая сфера сотрудничества концентрируется вокруг создания регионального союза в Черноморском бассейне и, как показывает сфера реальной политики, в отношении конфликта в Сирии, а также экономического и энергетического сотрудничества.

Черноморский регион. После окончания холодной войны Черное море могло быть интернационализировано, то есть бассейн должен был стать по логике победителей, оперирующей морской стратегией, свободным для военных кораблей и торговых судов всех стран. Однако действующая конвенция Монтре, подписанная в 1936 году, регламентирует проход военных кораблей через Черноморские проливы, ограничивая возможности нечерноморских держав. Рискнем предположить, что именно благодаря этой конвенции и позиции Турции была достигнута быстрая победа в пятидневной российско-грузинской войне в 2008 году и события по воссоединению Крыма с Россией прошли в благоприятном для РФ режиме. Но за этим идеалистическим взглядом в отношении турецкой позиции стоят вполне реальные факторы.

Дело в том, что геополитическая составляющая, которая ограничивает военно-политическую активность Анкары в регионе, основывается на тезисе генерального штаба Турции: «Республика должна избегать одновременного участия в двух с половиной войнах, то есть с Грецией и Сирией и внутри государства с курдами

соответственно». При таком внешнеполитическом ограничении Турция может проводить активную внешнюю политику в южном направлении лишь при стабилизации и замораживании угроз с севера Евразийского континента. При умеренных исламистах, выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика пошла на принцип разделения сфер влияния на северном и северо-восточном направлениях. Таким образом, можно говорить о том, что в условиях экспансии США в Черноморский регион между Москвой и Анкарой было заключено соглашение о противодействии экспансии «третьего лишнего» [2, с. 24].

Однако даже при таком внешнем совпадении интересов Российской Федерации и Турецкой Республики в Черноморском регионе существует целая система противоречий, где каждая из держав играет на слабостях своего партнера, пытаясь ослабить его позиции и усилить свои. В Черноморском регионе существуют такие российско-турецкие узлы противоречий: армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, за счет гагаузского фактора – конфликт в Приднестровье, Крым и украинское направление внешней политики Турции.

Если синхронизировать российские успехи в Средиземноморском регионе с турецкой дипломатической и военно-политической активностью в Черноморском регионе, то можно найти определенную прямую зависимость между этими направлениями деятельности государств.

Средиземноморский регион. С возвращением российского суверенитета над Крымом Москва получает плацдарм для продвижения своих интересов в Средиземноморском регионе, который ранее был ограничен арендным статусом Севастопольской военно-морской базы. По большому счету Россия с возвращением Крыма и Севастополя возвратила себе возможность реализации внешней политики в Средиземноморье впервые за последние 23 года.

Если России оперировать морской стратегией, то Черноморско-Средиземноморский регион может быть рассмотрен как единое целое с особым геополитическим и цивилизационным ландшафтом.

В теоретическом плане в регион входят государства, которые можно определить как державы (носители внешнеполитической стратегии: Россия, Турция, Израиль, Франция, возможно Италия), так и более слабые страны, которые являются объектами для реализации своих национальных интересов со стороны первых. Кроме того, в рамках Черноморско-Средиземноморского региона развиваются несколько непризнанных территорий: Южная Осетия, Приднестровье, Абхазия, Турецкая Республика Северного Кипра и, возможно, Каталония.

Геополитический ландшафт: 1. Россия, 2. Турция, 3. Грузия, 4. Украина, 5. Болгария, 6. Румыния, 7. Молдова, 8. Греция, 9. Республика Кипр, 10. Турецкая Республика Северного Кипра, 11. Сирия, 12. Ливан, 13. Израиль, 14. Египет, 15. Ливия, 16. Алжир, 17. Марокко, 18. Тунис, 19. Испания, 20. Италия, 21. Франция, 22. Ватикан, 23. Хорватия, 24. Албания, 25. Черногория, 26. Босния и Герцеговина, 27. Словения, 28. Южная Осетия, 29. Абхазия, 30. Приднестровская Молдавская Республика. Однако следует учитывать, что Турецкая Республика Северного Кипра признана только Турцией, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия и

Южная Осетия имеют ограниченное международное признание, поэтому число государств, входящих в Черноморско-Средиземноморский регион, – 26.

В цивилизационном аспекте регион представляет собой расселение ряда народов, которые принадлежат к трем цивилизациям: западной, исламской, православной.

Важной морской составляющей в развитии региона является режим функционирования черноморских проливов, Суэцкого канала и Гибралтарского пролива. В течение XVIII–XXI вв. ключевое или существенное влияние на данные водные коммуникации оказывала Британия, а затем США. Все эти водные коммуникации имеют стратегическое экономическое и военно-политическое значение.

Исходя из общей геополитической логики, в Черноморском регионе Россия и Турция имеют общий спектр интересов, заключающийся в недопущении пересмотра конвенции Монтре и экспансии нерегиональной военно-политической силы.

Исходя из геополитической методологии, в Средиземноморском регионе внешнеполитическая стратегия России имеет более сложную цель, чем в Черноморском, что связано с дефицитом всех видов ресурсов, – это формирование благоприятного для себя баланса сил. Однако державой, которая может закрыть выход для России в Средиземноморский регион, является Турция. Поэтому перед Москвой стоит сложная дилемма между сохранением союзнических отношений с Анкарой и наращиванием своего внешнеполитического, экономического и военно-политического присутствия в Средиземноморье.

Основные противоречия между Россией и Турцией в сирийском урегулировании прошли на данный момент два этапа эволюции.

Первый – с начала российского вмешательства в конфликт и до июля 2016 года. Верхняя точка – это попытка военного переворота и смещения или физического уничтожения Р. Т. Эрдогана и партии Справедливости и развития. Это период полного неприятия турецкой элитой российской внешней политики в сирийском вопросе. Это достаточно сложное время для российско-турецких отношений, когда два государства стояли на пороге военного конфликта. И только стратегическое видение обеих элит перед лицом внешнего давления позволило избежать катастрофического для Москвы и Анкары сценария военного столкновения.

Второй – с момента попытки военного переворота и до настоящего времени. Это период, когда турецкое руководство отходит от своих первоначальных установок неприятия российского вмешательства в сирийском вопросе и попыток нахождения точек компромисса с Россией и Тегераном в противовес политике США и Саудовской Аравии.

Турецкая позиция в сирийском кризисе находит свое объяснение во внешнеполитических установках правящей партии Справедливости и развития. В течение 2000-х гг. Турецкая Республика начинает реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики, которая была направлена на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера в действительно могущественную

региональную державу и влиятельного глобального игрока (программа 61-го правительства, сформированного правящей партией Справедливости и развития в 2011 году). Это направление деятельности реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», которая была выдвинута в середине 2000-х тогдашним Министром иностранных дел Республики А. Давутоглу [3]. Концепция направлена в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи – Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, Азербайджана, а также Сирии (в турецком понимании только после возможного смещения Башара Аль Асада) – и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера. Турция формирует данный союз для противодействия антитурецкой коалиции в составе Республики Кипр, Греции, Сербии, Армении, Израиля и, возможно, России. Причем с учетом ускорения политического процесса и внешнеполитической динамики набор союзников и противников Анкары будет варьироваться.

17 ноября 2017 года президент Турции Р. Т. Эрдоган выступает в газете «Hurriyet», где отмечает «красные линии» в сирийском вопросе.

1. Турция никогда не позволит Отрядам народной самообороны (YPG) вступить в переговоры о будущем Сирии. Анкара считает, что YPG являются ответвлением запрещенной Рабочей партии Курдистана (РПК) и, следовательно, террористической организацией.

2. YPG должны уйти из городов и регионов, которые исторически и культурно принадлежат к другим этническим группам, и не следует допускать попытки YPG изменить демографическую структуру этих регионов. Турция обращала тот же призыв к США, которые находятся в тесном партнерстве с YPG против ИГИЛ с 2015 года.

3. По словам Эрдогана, Путин обещал вывести российские войска из Африна во время их двусторонней встречи в Гамбурге в кулуарах саммита G-20 в июле. Африн, граничащий с Турцией, является одним из трех кантонов, которые YPG пытаются объединить (два других находятся в восточной Сирии). Россия имеет войска в Африне и сохраняет тесные связи с группой.

4. Турция установит 12 наблюдательных постов в регионе Идлиб. Русские и иранцы давно договорились с Турцией о местах этих постов. Первые две точки наблюдения в Турции были установлены вдоль линии, отделяющей Идлиб и Африн, что также позволяет Турции контролировать деятельность YPG. Турция также подчеркнула, что Африн является стратегически чувствительной областью, и она не потерпит никаких провокационных действий внутри этого кантона.

«Мы должны очистить Африн от террористических организаций, как РYD, так YPG. Мы серьезно разочарованы тем, что США не выполнили свои обещания. Мы не хотим сталкиваться с подобной ситуацией», – заявил Эрдоган 17 ноября [1].

При этом необходимо пояснить, что YPG являются отрядами народной самообороны, а, по сути, боевым крылом РYD – партии «Демократический союз», которая выступает за получение статуса широкой автономии в составе Сирии.

Российская позиция в отношении «Демократического союза» прямо противоположна турецкой и заключается в необходимости включения РYD в

переговоры по будущему Сирийской Арабской Республики в рамках Конгресса народов Сирии.

Вторая точка напряжения в российско-турецком компромиссе по Сирии формируется вокруг региона Африн, расположенном на северо-западе Сирии.

Но при этом российская политика в отношении курдов выгодно отличается от американского подхода, которые готовы пойти на изменение границ. Российская позиция отражает, в общем, подход существующих государств с этническим курдским фактором: Турция, Сирия, Иран, Ирак. Россия поддерживает территориальную целостность этих государств с возможным расширением автономий курдских территорий. Эта общая российско-турецкая позиция проявилась особенно после проведенного в сентябре 2017 года референдума в иракской богатой нефтью провинции Мосул, населенной преимущественно курдами.

Экономическая, энергетическая и военно-техническая сфера российско-турецкого сотрудничества не имеет таких узлов противоречий, как взаимодействие в геополитическом пространстве.

Крупные энергетические проекты, такие как действующий газопровод «Голубой поток», перспективный «Турецкий поток», перспективный проект российской атомной станции «Аккую», имеют значительный эффект для укрепления и развития двусторонних отношений и, скорее, подкрепляют взаимодействие в геополитическом пространстве России и Турции.

Экономическое сотрудничество в различных отраслях также имеет перспективы положительной динамики, и 2017 год стал годом восстановления этих показателей после ухудшения двусторонних отношений в период 2015–2016 гг.

Исходя из вышеизложенного анализа, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существующая модель взаимодействия России и Турции в Черноморско-Средиземноморском регионе находится в состоянии шаткого равновесия и в настоящее время находится на стадии сотрудничества. Однако такое положение является весьма зыбким, что аргументируется наличием как пространства сотрудничества, так и значительной плоскости противоречий, имеющей фундаментальные основы. То есть при прочих равных любое значительное изменение в сложившемся равновесии может привести к быстрому ухудшению российско-турецких отношений, что будет вполне естественным историческим ходом событий. В настоящее время сдерживающим фактором в реализации негативного сценария, который перевешивает внутренние российско-турецкие противоречия, является политика США как в Черноморском, так и в Средиземноморском регионе.

Во-вторых, количество и частота встреч двух президентов в 2017 году свидетельствуют о целенаправленных усилиях двух лидеров сохранить режим сотрудничества при существовании объективных причин для его ухудшения.

В-третьих, Турция традиционно опасается процесса «одиокого» сдерживания как российской, так и персидской экспансии. Однако трехсторонний формат зон деэскалации в Сирии за счет одновременно привлечения Москвы, Анкары и Тегерана позволяет сгладить подобные опасения турецкой элиты. Несмотря на

видимый и объективный успех в «Сирийской партии», перечисленные региональные субъекты должны не допустить ситуации, при которой контригра Запада и региональных союзников превратит тактическую победу России, Турции и Ирана в их стратегическое поражение.

Список литературы

1. Демирташ С. Выполнит ли Путин свои обещания Эрдогану по Африну? URL: <http://mk-turkey.ru/blog/Hurriyet/2017/11/23/demirtash-budet-li-putin-vypolnyat.html> (Дата обращения: 13.12.2017).
2. Ирхин А. А. Проблемы реализации геополитических интересов России в Черноморско-средиземноморском регионе // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума. – М.: Перо, 2016. – С. 21–27.
3. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu / A. Davutoğlu. – İstanbul, 2013. – 584 s.

Irkhin A.A., Nelina L. P. Russia and Turkey on the Noon of 2018: the Great Game in the Middle East and the Near East // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 110–118.

The article investigates the problem of bilateral Russian-Turkish relations from the perspective of their cooperation and rivalry. The special attention is paid upon the year of 2017 and an attempt is made to model the immediate forecast. The Russian-Turkish interaction in the Black Sea Region and the Mediterranean Region is characterized as one with unstable balance that now undergoes the cooperation phase. But the situation is tricky as there are both space for cooperation and considerable frictions that are fundamental. All other things being equal any considerable change of the balance may dramatically deteriorate the Russian-Turkish relations that is seen as natural flow of history. At the moment the limiting factor, overcoming the Russian-Turkish contradictions, is the policy that is provided by the USA in the Mediterranean as well as the Black Sea Region. Turkey is traditionally wary that it will have to control both Russian and Persian expansion single-handed. However the tri-lateral de-escalation zones in Syria involving simultaneously Moscow, Ankara and Teheran partly smooth over the fears of the Turkish elites. Whereas the success of the “Syrian party” is obvious and objective, the above subjects should prevent the situation when the counter play of the West and its regional allies may transform the tactical victory of Russia, Turkey and Iran into strategic loss of the latter.

Key words: Russia, Turkey, Syrian crisis, international relations.

References

1. Demirtash S. Vypolnit li Putin svoi obeshchaniya Erdoganu po Afrinu? [Will Putin Fulfill his Promises to Erdogan on Afrin?]. URL: <http://mk-turkey.ru/blog/Hurriyet/2017/11/23/demirtash-budet-li-putin-vypolnyat.html> (Accessed: 13.12.2017)
2. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu [Strategic Depth: World Situation of Turkey]. İstanbul, 2013, 584 p.
3. Irkhin A. A. Problemy realizatsii geopoliticheskikh interesov Rossii v Chernomorsko-sredizemnomorskom regione [Problems of Geopolitical Realization the Interests of Russia in the Black Sea and Mediterranean Region]. Sotsial'no-politicheskie i istoriko-kul'turnye aspekty sovremennoi geopoliticheskoi situatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh nauchno-obrazovatel'nogo foruma [Socio-Political and Historical and Cultural Aspects of a Modern Geopolitical Situation. Materials of the International Scientific and Practical Conference within the Scientific and Educational Forum]. Moscow, Pero, 2016, p. 21–27.